

Три кантовских аргумента

Статья Артемия Сафьяна

Иллюстрация Дарьи Чагановой

Для начала попытаемся разобраться в том, что подразумевается под вещами «вне нас» (außer uns). Кант отмечает многозначность этого выражения: под ним подразумевается, с одной стороны, нечто, существующее¹ само по себе, безотносительно нашим представлениям, что Кант называет «вещью самой по себе» (или вещью в себе), а с другой — вещь в эмпирическом смысле, то есть явление, данное нам во внешнем чувстве. Доказательство существования внешних вещей во втором смысле занимает Канта во втором издании «Критики чистого разума», в разделе «Опровержение идеализма». Мы не будем касаться этой проблемы, сосредоточившись исключительно на трех аргументах в пользу существования вещей в себе.

В нашем опыте мы находим только явления. Почему тогда мы вообще можем быть убеждены, что существует вещь в себе? Кант отвечает: если за миром явлений ничего не стоит, то можно прийти к абсурдному заключению, согласно которому «явление существует без того, что является». Поэтому мы и предполагаем стоящее по ту сторону явлений нечто.

Это часто считают главным аргументом в пользу существования вещей самих по себе. Однако если присмотреться к соответствующим пассадам первого издания

«Критики», то можно убедиться, что Кант накладывает на этот аргумент ограничение: если разум предписывает нам постулировать некий объект за пределами возможного опыта, это еще не значит, что этот объект там на самом деле есть. Поэтому Кант вводит понятие трансцендентального объекта — некоего X, который есть ни что иное, как представление о предметном как таковом, с которым соотносятся все конкретные явления. Мы постулируем его только потому, что наши чувственные представления относятся рассудком к своему предмету, но мы ничего не можем сказать об этом предмете. Не известно нам, есть ли такой предмет, или нет.

Но такая агностическая позиция едва ли могла устроить самого Канта. Уже в черновых набросках «Критики» 1770-х гг., до первого издания самого труда, можно обнаружить попытки Канта расправиться с этой проблемой. Мы располагаем множеством набросков, из которых следует, что какое-то время он считал вещь в себе единство апперцепции, т.е. Я, задающее единство всего многообразия наших представлений. В них мы встречаем такие суждения: «Я есть прообраз всех объектов»; «Я есть абсолютный субъект, которому могут причитаться все акциденции и предикаты и который вовсе не может быть предикатом другой вещи» и т.д. Кант даже пытался выстроить концепцию Я как некой особой вещи в себе, которую в акте рефлексии возможно непосредственно созерцать. От подобных выводов Кант отказывается во втором издании «Критики», однако вышеприведенный аргумент Кант все же оставляет (к примеру, он воспроизводится во введении к новой редакции «Критики»), прибавляя при этом к нему

1. Здесь и далее — в отличие от Кантовского Dasein как категории рассудка — термин «существование» будет употребляться в самом обычном, расхожем смысле, означая принципиальное «наличие» в широком смысле этого слова.

и другой — аргумент от теории аффицирования.

Наиболее ясно, с нашей точки зрения, сама эта теория изложена в «Пролегоменах». Здесь Кант пытается ответить от себя подозрения в идеализме, понимаемом им как утверждение о том, что «существуют только мыслящие существа, а остальные вещи, которые мы думаем воспринимать в созерцании, суть только представления в мыслящих существах, представления, которым на самом деле не соответствует никакой вне их находящийся предмет». Но в кантовской системе отрицается не наличие вещей вне представлений, а возможность познавать такие вещи. Сам же внешний предмет признается существующим и «определенным образом» воздействующим на наши чувства (аффицирующим их), и тем самым — порождающим первичный материал ощущений, который обрабатывается априорными формами чувственности. И в этом отношении можно сказать, что вещь сама по себе — это трансцендентальная причина представлений, данных нам в чувственном восприятии, и как таковая она, несомненно, существует, поскольку отрицать ее существование означало бы полагать полную причину всех явлений в нас самих, что очевидно не может быть верным.

Теория аффицирования подверглась острой критике со стороны Фридриха Якоби, который утверждал, что она противоречит другому важному постулату кантовского трансцендентализма — учению о причинности. Кант доказывал всеобщий и необходимый характер категорий рассудка, в том числе и категории причины. Но это значит, что и аффицирование имеет каузальную природу. Мы оказываемся перед дилеммой: либо вещь в себе существует вне опыта, и тогда мы не знаем, как именно она на нас действует, либо она существует в сфере опыта, и тогда она — не вещь в себе по определению. Это ставит под удар всю кантовскую систему. Помимо Якоби аналогичное возражение высказывали такие кантоведы, как Г. Файхингер, Х. Херринг, Э. Адикес и другие.

Можно ли спасти теорию аффицирования, не причинив вреда другим элементам трансцендентальной философии? Ответ может быть таков: если на нашу чувственность воздействует не что иное, как вещь в себе, которая, как мы знаем, недоступна познанию, то мы попросту не можем сказать, что само это воздействие обязательно носит причинный характер. Да, в некоторых местах Кант прямо называет вещь саму по себе *причиной* наших чувственных созерцаний, но возможно, что ее воздействие на нас осуществляется некоторым иным, не причинным образом, который мы, вполне вероятно, не можем даже помыслить.

Третьим аргументом в пользу существования вещи

в себе является кантовское учение о свободе. Канту удастся изящно совместить два фундаментальных убеждения: в том, что все в природе подчиняется строгой детерминистической цепи причин и действий, с тем, что человеческая душа и воля ее свободны, т.е. способны самопроизвольно начинать некий ряд событий. «Если явления суть вещи сами по себе, то свободу нельзя спасти, — пишет Кант. — Если же считать явления лишь тем, что они суть на самом деле, а именно не вещами в себе, а только представлениями, связанными друг с другом по эмпирическим законам, то они сами должны иметь еще основания, не относящиеся к числу явлений. Однако такая умопостигаемая причина в отношении своей каузальности не определяется явлениями. <...> Поэтому действие в отношении его умопостигаемой причины можно рассматривать как свободное». Иными словами, Кант демонстрирует, что, если только мы не желаем лишиться свободы, мы вынуждены признать существование вещей самих по себе.

Подведем итог. Справедливо будет сказать, что в рамках кантианской системы существование внешних вещей, а именно — вещей, внешних нашим представлениям, вещей в себе — можно считать доказанным. Иной вопрос — может ли нас устроить такое решение, предполагающее абсолютную непознаваемость этих вещей. Пропасть между доступными нам явлениями и принципиально недостижимыми вещами в себе — вызов для всей посткантовской философии. Соединить два этих мира — задача не из легких. Но величие Человека в том, что он — мост, а не цель!

